

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НАЧАЛА 40-х ГОДОВ XVIII в. ПЕРЕВОРОТ 25 НОЯБРЯ 1741 г.

5 октября 1740 г. за обедом императрица Анна Ивановна внезапно потеряла сознание. Ее перенесли в постель и позвали врачей. Болела Анна менее двух недель и 17 октября умерла. Это событие придворной жизни дало толчок нескольким переворотам, завершившимся через год возведением на престол Елизаветы Петровны.

Со смертью Анны Ивановны уходило в прошлое довольно мрачное десятилетие русской истории (1730—1740 гг.). Упадок государственной и культурной жизни, никчемные руководители, малорезультативная внешняя политика, обстановка всеобщей подозрительности и страха — все это было характерно для времени правления Анны Ивановны. Впоследствии оно получило название «бироновщина» — по имени фактического правителя Эрнста Иоганна Бирона, герцога Курляндского и Семигальского, — и прочно ассоциируется с господством иностранных временщиков, системой свирепого политического террора, жертвами которого становились и аристократы, и простолюдины — подлинные и мнимые противники фаворита и его клеветников.

Жизнь императрицы кончалась, но с нею не кончалась бироновщина — человек, имя которого не сходило с уст целое десятилетие, неотлучно находился у постели умирающей. Первый приступ болезни был очень сильным, и приближенным казалось, что царица вот-вот умрет. А между тем сорокашестилетняя бездетная Анна Ивановна, еще недавно совершавшая прогулки верхом и серьезно не болевшая все десять лет своего царствования, не предпринимала никаких шагов для назначения преемника престола.

Потенциальных кандидатов на трон было несколько. Из колена Ивана Алексеевича, старшего брата Петра Великого, ими были Елизавета Христина Екатерина (после перехода в православие — Анна Леопольдовна) — дочь старшей сестры императрицы Екатерины Ивановны (умерла в 1733 г.) и герцога Ме-

кленбургского Карла Леопольда — и ее новорожденный (в браке с герцогом Брауншвейг-Люнебургским Антоном Ульрихом) сын Иван Антонович. Из колена Петра Великого занять престол могли двенадцатилетний Карл Петр Ульрих — сын старшей дочери Петра Анны (умерла в 1728 г.) и голштинского герцога Карла Фридриха (умер в 1730 г.), а также младшая дочь Петра цесаревна Елизавета. Из всех кандидатов наибольшие шансы стать русским царем имел родившийся 18 августа 1740 г. принц Иван Антонович: об этом говорилось официально, и все знали, что Анна Ивановна хотела оставить наследником престола своего внучатого племянника, хотя завещание еще не было составлено. Более того, несмотря на тяжелое состояние, Анна отказывалась подписать срочно подготовленный А. И. Остерманом и другими кабинет-министрами манифест о престолонаследии. Два дня Бирон и его сторонники уговаривали суеверную царицу поставить под ним подпись. Лишь 7 октября манифест был подписан и обнародован.

Сразу после этого внутри придворной камарильи развернулась упорная борьба за место регента — ключевое в перспективе царствования ребенка-императора. Главным кандидатом в регенты был Э. И. Бирон, уже давно стремившийся узаконить свою власть. Но важно заметить, что он хотел стать регентом не просто в силу подписи умиравшей царицы, а как бы по желанию дворянства. Боявшиеся всесильного временщика высшие сановники в дни, когда царица могла еще поправиться, были поставлены в такое положение, что сами просили Бирона стать в случае ее смерти регентом, собирали подписи и ходили с депутацией к Анне Ивановне. Эта кампания должна была убедить Анну подписать указ о регентстве Бирона, обеспечить хотя бы видимость законности его будущего господства и одновременно связать высшую администрацию государства общей поручкой. Но 7 октября царица почувствовала некоторое облегчение, и документ несколько дней пролежал под ее подушкой неподписанным. Лишь перед самой смертью, уступив просьбам Бирона и его клевретов, она подписала указ. Сразу после кончины Анны завещание было распечатано и оглашено генерал-прокурором Сената Н. Ю. Трубецким, а на следующее утро новому императору Ивану VI Антоновичу (в источниках упоминается и как Иоанн III) и регенту Э. И. Бирону присягнули войска и жители столицы. И никто в тот день не мог подумать, что регентство Бирона продлится всего три недели¹.

Согласно завещанию Анны Ивановны, до семнадцатилетия Ивана Антоновича Бирон получал практически неограниченную власть во внутренних и внешних делах. Он мог заключать международные трактаты «как бы от самого... императора», быть главнокомандующим армии и флота, ведать финансами и «о всех прочих государственных делах и управлениях такие учреждения учинять, как он, по его рассмотрению, запотребно в пользу Рос-

сийской империи изобретет»². Более того, в случае смерти Ивана VI Антоновича и возведения на престол следующего по старшинству сына герцога Брауншвейгского Бирон мог продлить свое регентство.

Но уже первые дни правления Бирона показали шаткость его положения. Если церемония присяги прошла спокойно, то несколько дней спустя платные шпионы и добровольные согладатки, которые, по выражению арестованного поручика П. Ханькова, «у регента на ухе лежат», стали сообщать о том, что среди дворян, горожан и особенно гвардейцев участились случаи проявления недовольства господством Бирона. Доносы свидетельствовали, что в среде чиновничества и гвардии назревал заговор в пользу фактически отстраненных от правления родителей ребенка-императора, и в первую очередь в пользу его отца принца Антона Ульриха. Немедленно последовали аресты. Установив в ходе следствия непосредственную связь некоторых арестованных с принцем, Бирон 23 октября устроил ему публичный допрос. После того как в присутствии высших чинов государства Антон Ульрих признался, что хотел отстранить регента от правления, Бирон, угрожая отставкой, «предоставил» собравшимся выбор между собой и принцем. Сановники единодушно просили Бирона властвовать над ними и далее. Немаловажно, что перед этим они прослушали суровую речь начальника Тайной канцелярии А. И. Ушакова, угрожавшего отцу царя поступить с ним при необходимости «так же строго, как с последним подданным»³. В итоге, используя «единодушие» запуганной знати, Бирон получил ее согласие и отстранил принца от военных должностей.

Одновременно, чтобы покончить со слухами о подложности акта о регентстве, Бирон заставил всех присутствующих заверить подписями и личными печатями подлинность манифеста о регентстве. «Демократизм» временщика, узурпировавшего власть в России на неопределенный срок, свидетельствовал о неустойчивости его положения и стремлении продлить свое господство всеми средствами, в том числе более или менее законными. Однако ни бумаги, ни публичные совещания не могли спасти Бирона. Он не имел реальной опоры в дворянской среде, для которой по-прежнему оставался иноземным чужаком, жестоким и жадным временщиком умершей императрицы. Не было у него союзников и среди иностранцев — родственников Ивана VI Антоновича, а также в кругу высших чиновников и генералов. Став регентом, он не сумел погасить недовольство Брауншвейгской фамилии, не смог объединиться с А. И. Остерманом, К. Левенвольде и другими влиятельными сановниками. В результате группировка, стоявшая у трона двухмесячного императора, была расколота острым соперничеством.

Удар временщику нанес Б. К. Миних — активный участник возведения его в регенты, а затем и ближайший помощник. Для

Бирона измена генерал-фельдмаршала была большой неожиданностью. Трудно понять мотивы, толкнувшие Миниха на переворот. Современники полагали, что, поддерживая притязания Бирона в дни болезни Анны Ивановны, фельдмаршал рассчитывал в период его регентства получить чин генералиссимуса и занять ведущее место в управлении империей. Однако Бирон сам входил во все дела и не давал свободы честолюбивому «столпу империи» (как Миних называл себя в мемуарах). Возможно, кроме того, Миних почувствовал изолированность Бирона и поэтому перешел на сторону оппозиционной временщику Брауншвейгской фамилии, имевшей, как тогда казалось, более надежную опору — сына на троне. Он тайно договорился об устранении Бирона от власти с Анной Леопольдовной, давно жаловавшейся всем на притеснения со стороны сурового и капризного регента.

В ночь на 7 ноября 1740 г. Миних с отрядом лишь в 80 гвардейцев направился к Летнему дворцу — резиденции регента. Караулы, состоявшие тоже из гвардейцев, быстро перешли на сторону заговорщиков. После этого Миних приказал своему адъютанту подполковнику К. Г. Манштейну войти во дворец и арестовать Бирона, а при попытке сопротивления — убить его. Когда Манштейн с солдатами ворвался в спальню регента, Бирон пытался залезть под кровать, а затем, как описывает сам Манштейн, «став наконец на ноги и желая освободиться от этих людей, сыпал удары кулаком вправо и влево; солдаты отвечали ему сильными ударами прикладом, снова повалили его на землю, вложили в рот платок, связали ему руки шарфом одного офицера и снесли его голого до гауптвахты, где его накрыли солдатской шинелью и положили в ожидавшую его тут карету фельдмаршала. Рядом с ним посадили офицера и повезли его в Зимний дворец.

В то время, когда солдаты боролись с герцогом, герцогиня соскочила с кровати в одной рубашке и выбежала за ним на улицу, где один из солдат взял ее на руки, спрашивая у Манштейна, что с ней делать. Он приказал отвести ее обратно в ее комнату, но солдат, не желая себя утруждать, сбросил ее на землю, в снег, и ушел...».

Манштейн, относившийся к Миниху не без иронии, отмечал, что фельдмаршал мог легко захватить Бирона в апартаментах Анны Леопольдовны, куда тот приходил без охраны, и не преодолевать многочисленные караулы, выставленные вокруг дворца, подвергая все предприятие ненужному риску. «Но,— пишет мемуарист,— фельдмаршал, любивший, чтобы все его предприятия совершались с некоторым блеском, избрал самые затруднительные средства»⁴.

Аресты, произведенные в ночь переворота, показывают, что число сторонников Бирона, на которых он мог опереться, было ничтожно. Были арестованы младший брат Бирона Густав и кабинет-министр А. П. Бестужев-Рюмин. Кроме того, послали

гвардейцев в Москву и Ригу, чтобы захватить старшего брата Бирона Карла и зятя временщика генерала Бисмарка. Свержение Бирона застигло врасплох не только иностранных дипломатов, но и правящую верхушку России. Как сообщал английский посол Э. Финч, А. П. Бестужев-Рюмин при аресте недоумевал, «чем навлек на себя немилость регента», а А. М. Черкасский явился утром как ни в чем не бывало в апартаменты Бирона на очередное заседание Кабинета министров⁵. Все это, разумеется, облегчило переворот.

Победители сразу же занялись перераспределением власти и огромных богатств Бирона. 9 ноября 1740 г. был обнародован манифест, в котором Иван VI Антонович провозглашал, что Бирон, будучи регентом, «любезнейшим нашим родителям их императорским высочествам государю нашему отцу такое великое непочитание и презрение публично оказывать, и притом еще с употреблением непристойных угроз (намек на допрос принца 23 октября.— *Е. А.*), также дальновидные и опасные намерения объявить дерзнул, по которой (причине.— *Е. А.*) не только... любезнейшие наши государи родители, но и мы сами, покой и благополучие империи нашей в опасное состояние приведены быть могли б... И для того,— продолжал двухмесячный император,— необходимо принуждены себя нашли по всеподданнейшему усердному желанию и прошению всех наших верных подданных духовного и мирского чина оного герцога от того регентства отрешить»⁶. Правительницей на место Бирона с теми же полномочиями грудной младенец «назначил» свою мать Анну Леопольдовну. Отец царя был объявлен «императорским высочеством соправителем», генералиссимусом вооруженных сил России. Б. К. Миних был назначен первым министром, А. И. Остерман — генерал-адмиралом. А. М. Черкасский стал канцлером, М. Г. Головкин — вице-канцлером. Рядовые участники переворота получили награды и повышения.

Свержение регента не привело к сплочению правящей верхушки. Наоборот, исчезновение с политической сцены «нового Годунова» (так Бирон охарактеризован в манифесте 14 апреля 1741 г.), нагонявшего страх на всех более десятка лет, развязало руки многим при дворе. Оживилось Брауншвейгское семейство, надеявшееся закрепиться у власти. Если при Бироне осторожный Остерман избегал каких-либо явных демаршей, то теперь и он стал проявлять себя, выступив в роли постоянного советчика неопытной в делах правительницы. Как потом оказалось, главной целью его тонкой интриги было отстранение Миниха от власти и занятие первенствующих позиций при дворе. Союз Миниха, давнего и некогда верного сторонника Бирона, и Брауншвейгской фамилии не мог быть долговечным.

Человек прямолинейный и необычайно честолюбивый, Миних требовал для себя — в заслугу за совершенный «подвиг» — особых почестей и практически неограниченной власти. Став пер-

вым министром, он надеялся занять при Анне Леопольдовне место Бирона. Но сразу после переворота он опасно заболел, а когда в начале 1741 г. взялся за дела, то почувствовал, что упустил время и что его обошли, оттеснили от власти. Остерман сумел вернуть себе иностранные дела, Черкасский и Головкин получили внутреннее управление, а у Миниха, как и во времена Бирона, осталось только военное ведомство, да и здесь он оказался в подчинении у генералиссимуса Антона Ульриха. Между принцем и Минихом начались стычки. Пытаясь вернуть ускользавшую власть, Миних вступил в борьбу с Остерманом и Черкасским, чем вызвал недовольство правительницы. Поведение Миниха настораживало брауншвейгцев. Как писал Э. Финч, наиболее близкий ко двору Анны Леопольдовны дипломат, правительница говорила, что «арест бывшего регента вызван скорее расчетами личного честолюбия графа Миниха, чем его привязанностью к ее высочеству»; что она «не в силах... более выносить заносчивого характера фельдмаршала» и ей «известно непомерное честолюбие фельдмаршала, крайняя невоздержанность его характера и его слишком предприимчивый дух, не позволяющий на него положиться»⁷.

Здесь нельзя не заметить определенных реминисценций с че-лобитной арестованного Бирона, в которой он, ссылаясь на свой печальный опыт, призывал правительницу не доверять Миниху, способному совершить новый переворот, поскольку «нрав графа фельдмаршала известен» и он «имеет великую амбицию, и притом десперат (неисправим.— Е. А.) и весьма интересова^т»⁸. Поэтому, когда вконец раздосадованный Миних опрометчиво потребовал отставки, он ее получил даже без подачи формального прошения. Отстраненный от власти, Миних тем не менее по-прежнему бывал при дворе. Но для всех было очевидно, что его звезда как политического деятеля закатилась.

Началось самостоятельное правление Анны Леопольдовны, но по существу оно таковым не было. Правительница и ее супруг не отличались ни дарованиями, ни опытом в государственных делах, ни даже энергией. По свидетельству мемуаристов и дипломатов, Анна Леопольдовна не проявляла желания входить в дела, проводила большую часть дня в своей опочивальне, ходила небрежно одетой и непричесанной, была угрюмой и неряшливой. Современники отмечали ее необычайную привязанность к фрейлине Юлии Менгден. Приезд семьи Менгден в январе 1741 г. был самым большим праздником для правительницы, сразу сделавшей Юлию царский подарок — имение стоимостью 140 тыс. руб. Кроме того, Юлия получила часть богатств Бирона, в том числе несколько парадных кафтанов регента, с которых первая дама двора аккуратно спорола золотые и серебряные по-зументы и отправила их на переплавку. Фрейлина пользовалась большим влиянием на правительницу, доверявшую ей во всем, и могла бы достичь многого, если бы не была, по отзывам совре-

менников, так ленива и глупа. Будни во дворце проходили однообразно: половину дня правительница проводила в апартаментах Юлии Менгден, а по вечерам вместе с мужем, Юлией, Финчем или кем-либо еще засиживалась допоздна за картами.

Так случилось, что в начале 40-х годов XVIII в. на вершине власти огромного государства оказались бездарные, никчемные люди, далекие от интересов России, не знавшие и не понимавшие ни ее проблем, ни даже ее языка. После падения Бирона и отставки Миниха власть прибрал к своим рукам Андрей Иванович Остерман.

Переживший двух императоров и двух императриц, Остерман годами готовился к этому моменту. Обладая недюжинными способностями к интриге, он умел подставить под удар одних, навести подозрение на других, заговорить третьих так, что его жертвы не могли до конца понять, кто же их главный враг. Образцовой в этом смысле является интрига Остермана против А. Д. Меншикова, который не только не подозревал о его роли в своем свержении, но, отправляясь в ссылку, просил Остермана заступиться за него при дворе. Лицемерный и скрытный, Андрей Иванович мог часами говорить с посетителями, казалось бы, о деле и не произнести ни слова по существу, чем приводил в отчаяние дипломатов, ведших с Остерманом переговоры. Известным, ставшим притчей во языцех приемом Остермана была его мнимая внезапная болезнь в ответственные моменты. Вот какую любопытную зарисовку дает Финч: «Пока я говорил... граф казался чрезвычайно больным, чувствовал сильную тошноту. Это одна из уловок, разыгрываемых им всякий раз, когда он затруднен разговором и не находит ответа. Знающие его предоставляют ему продолжать дрянную игру, доводимую подчас до крайностей, и ведут свою речь далее; граф же, видя, что выдворить собеседника не удастся, немедленно выздоравливает как ни в чем не бывало»⁹.

С отставкой Миниха наступил час Остермана, когда он, по словам составителя «допросных пунктов» 1742 г., забрал «всю главную диспозицию и власть в свои руки... и все дела производил по своей воле»¹⁰. В конце концов Остерман стал жертвой собственных интриг. Добившись почти единоличной власти, он впервые за свою карьеру вышел из тени кулис на политическую авансцену и при очередной смене декораций в результате переворота Елизаветы уже не смог на ней удержаться.

Обратимся теперь к героине следующих 20 лет русской истории и нашего повествования — Елизавете Петровне. У будущей императрицы не было оснований сильно роптать на свою судьбу — о таких людях, как Елизавета, говорят, что они родились под счастливой звездой. 18 декабря 1709 г., в день рождения Елизаветы, русская армия, победившая под Полтавой, торжественным маршем под звуки музыки и с развернутыми знаменами вступала в Москву. Получив радостную весть, Петр остановил

шествие, и началось трехдневное празднество по случаю рождения ровесницы Полтавской виктории, нареченной редким тогда именем Елизавет.

Детство Елизаветы прошло в Москве и Петербурге, но о нем мало что известно. Можно с уверенностью сказать, что сестры (Анна родилась в 1708 г., Наталья — в 1718 г.) очень редко видели отца, участвовавшего в непрерывных походах. Когда к мужу уезжала Екатерина, дети переходили под опеку сестры Петра Натальи Алексеевны или семьи А. Д. Меншикова, который в каждом письме Петру сообщал: «Дорогие детки ваши, слава богу, здоровы». Первые упоминания Елизаветы в переписке Петра и Екатерины встречаются весной 1710 г. 1 мая Петр передает привет «четвертной лапушке» — таким было семейное прозвище Елизаветы, которая к этому времени ползала на четвереньках. Летом того же 1710 г. Петр совершает морские походы по Балтике на шняве «Лизетка». В последующие годы поклонны Петра «маленьким», «Лизетке» и ответные приветы «Аннушки, Лизеньки и Натальюшки» становятся все более частыми. Сохранились известия об участии Анны и Елизаветы в свадьбе своих родителей 9 февраля 1712 г. Английский посол Ч. Витворт сообщал, что дочери Петра были «ближними девицами» невесты-матери: «...одной было около пяти лет, а другой — три года; но так как эти царевны по причине слишком нежного возраста не могли переносить усталости, то они присутствовали короткое время и затем их место заняли две царские племянницы»¹¹.

11 июня 1717 г. Екатерина сообщала, что Елизавета заболела оспой, но «от оной болезни уже освободилась бес повреждения личика своего». Зная, как впоследствии дорожила Елизавета своей красотой, можно понять значение для нее благополучного исхода болезни. Некоторое представление о принципах воспитания детей в царской семье дает письмо Екатерины мамке цесаревны Анны: «Авдотья Ильинична! Слышала я, что вы царевен стали кормить не за одним столом, чему зело дивлюся, для чего не так делаете, как при нас было... впредь не делайте»¹².

Грамоте Елизавета научилась довольно рано — не старше восьми лет. Вообще Петр начал писать особые записки детям уже в 1712 г. Так, в октябре 1712 г. из Карлсбада он сообщал жене: «К дочке-бочке писал о сем». Но тогда трехлетняя девочка не могла прочитать послание отца и самостоятельно ответить ему. Это стало возможно лет пять спустя. В 1717 г. Екатерина просила в письме из-за границы восьмилетнюю Анну «для бога потщиться писать хорошенько, чтоб похвалить за оное можно и вам послать в презент прилежания вашего гостинцы, на что б смотря, и маленькая сестричка также тщилась заслуживать гостинцы». Вероятно, Елизавета действительно «потщилась» — в начале 1718 г. она получила письмо отца: «Лизетка, друг мой, здравствуй! Благодарствую вам за ваши письма, дай боже вас в радости видеть. Большова мужика, своего брата (царевича

Петра Петровича.— Е. А.) за меня поцелуй»¹³. Каждый знакомый с перепиской Петра скажет, что так царь писал лишь самым близким и дорогим его сердцу людям.

9 сентября 1721 г. в торжественной обстановке Петр обреза ножницами с платья Елизаветы маленькие белые крылышки, и «государыня цесаревна Елизавет Петровна» была признана совершеннолетней. Начался новый этап в ее жизни. В сущности к нему Елизавету готовили все ее детство. Как известно, Петр стремился подчинить служению государству жизнь не только своих подданных, но и собственную, а также членов своей семьи (ярчайшим примером такого отношения является история его старшего сына Алексея). Если появление на свет очередного сына рассматривалось Петром как рождение наследника, то появление очередной дочери (Екатерина родила всего 11 сыновей и дочерей) оценивалось исключительно с точки зрения упрочения династических связей русского двора с европейскими монархами. Петр первым из русских царей встал на этот путь, выдав своих племянниц Екатерину Ивановну и Анну Ивановну за мекленбургского и курляндского герцогов. Та же судьба ожидала и дочерей Петра — Анну и Елизавету (Наталья умерла в 1725 г.).

В соответствии с перспективными целями петровской династической политики строилось и воспитание царевен. Их учили тому, что могло пригодиться при европейских дворах: танцам, музыке, умению одеваться, этикету и особенно иностранным языкам. С 1716—1717 гг. кроме обычных мамок и нянек в окружении цесаревен появляется учитель танцев француз Рамбур; итальянский, немецкий, французский языки преподавали графиня М. Маньяни, учитель Глюк и виконтесса Латур ла Нуа¹⁴. Особое внимание уделялось французскому, и впоследствии Елизавета знала его в совершенстве.

Петр намеревался выдать дочь красавицу за одноклассника — французского короля Людовика XV или за кого-либо из семьи Бурбонов. Переговоры на эту тему довольно интенсивно велись в первой половине 20-х годов. В начале мая 1721 г. Петр писал в Париж посланнику В. А. Долгорукому: «Понеже мы в бытность свою во Франции немного заговаривали Виллерую и маме королевской о сватанье за короля из наших дочерей, а особливо за среднюю (понеже равнолетна ему), но пространно тогда за скорым отъездом не говорили, которое дело ныне вам вручаем, чтоб, сколько возможность допустит, производили...» Французская сторона — ее в Петербурге представлял посол Ж.-Ж. Кампредон — серьезно отнеслась к предложению Петра — столь велика стала роль России в европейских делах. Однако чопорный Версальский двор немало смущало происхождение Елизаветы, родившейся от «подлой» женщины, которая в момент появления дочери на свет не состояла в браке с царем. Французский дипломат Ледран писал: «Брачный союз, от коего произошли

принцессы, которых он (Петр.—Е. А.) желает выдать замуж, не заключает в себе ничего лестного, и говорят даже, что младшая из этих принцесс... сохранила некоторые следы грубости своего народа»¹⁵.

В конце концов антирусской группировке удалось заморозить переговоры. В 1726 г. они окончательно прервались, так как было получено известие о браке Людовика XV с Марией Лешинской — дочерью недруга России экс-короля Речи Посполитой Станислава Лещинского.

Екатерина, умирая, в мае 1727 г. завещала Елизавете выйти замуж за Карла Августа — князя-епископа Любского, родственник которого голштинский герцог Карл Фридрих в 1725 г. женился на старшей из цесаревен — Анне Петровне. Однако Карл Август, пришедшийся, между прочим, дядей будущей императрице Екатерине II, умер в июне 1727 г. С тех пор на протяжении 14 лет, вплоть до своего вступления на престол, Елизавета фигурировала во всевозможных брачных комбинациях. Среди ее женихов упоминались принц Георг Английский, Карл Бранденбург-Байрейтский, инфант дон Мануэль Португальский, граф Маврикий Саксонский, инфант Дон-Карлос Испанский, герцог Фердинанд Курляндский, герцог Эрнст Людвиг Брауншвейгский и многие другие. Ходили слухи даже о сватовстве персидского шаха Надира¹⁶.

После смерти матери, в годы правления Петра II (май 1727 — январь 1730 г.), Елизавета, можно сказать, стояла у самого трона. Не по летам развитый юный царь на некоторое время полностью подпал под обаяние своей тетки-красавицы. Он не расставался с ней целыми днями, увлекаясь тем, что нравилось Елизавете: танцами, прогулками верхом, охотой и маскарадами. Испанский посол де Лириа, характеризуя в своем донесении обстановку при русском дворе, писал: «Русские (вельможи.— Е. А.) боятся большой власти, которую имеет над царем принцесса Елизавета, ум, красота и честолюбие ее пугают всех; поэтому им хочется удалить ее, выдав замуж». Посол верно уловил настроение родовитой знати: заняв ключевые позиции в высшем правительственном органе — Верховном тайном совете, она подозрительно смотрела на цесаревну — крайне нежелательную для нее наследницу престола. А между тем после смерти сестры Петра II Натальи Алексеевны (1728 г.) шансы Елизаветы на престол значительно повысились. В ноябре 1728 г. испанский посол писал: «Принцесса Елизавета после царя теперь будет ближайшей преемницей короны, и от ее честолюбия можно бояться всего»¹⁷.

Как возможная преемница Елизавета была неудобна верховникам. От нее, как от дочери Петра Великого, можно было ожидать продолжения политики отца-реформатора. А именно критика петровских реформ составляла стержневое направление политики верховников. Поэтому они стремились оттеснить цеса-

ревну от Петра II и лишить ее возможности когда-либо занять престол. Екатерина II вспоминала, что однажды во время загородной прогулки Елизавета говорила о том, как хорошо Петр II относился к ней, и «принялась на чем свет стоит бранить князей Долгоруких, окружавших этого государя, и рассказывать, как они старались ее отдалить от него»¹⁸.

Прибегнув к довольно сложной интриге, лидеры Верховного тайного совета Долгорукие и Голицыны добились того, что Петр II стал отдаляться от Елизаветы, посвящая все время кутежам в компании своего фаворита Ивана Долгорукого. Впрочем, Елизавета и не упорствовала в придворной борьбе за власть, не стремилась внушить молодому царю, какой «системы» ему следует придерживаться в политике. Все ее помыслы были поглощены развлечениями, модами, любовными похождениями. Свидетельством уровня интересов Елизаветы и ее круга в конце 20-х годов может служить письмо из Киля ее ближайшей подруги Мавры Шепелевой, фрейлины Анны Петровны, в 1728 г.: «Матушка царевна, как принц Орьдов хорош! Истинно я не думала, чтоб он так хорош был, как мы видим: ростом так велик, как Бутурлин, и так тонок, глаза такие, как у вас цветом, и так велики, ресницы черния, брови томнорусия, волосы такие, как у Семиона Кириловича, бел не много почерняя покойника Бишова, и румянец алой всегда на щеках, зуби белши и хараши, губи всегда али и хороши, речь и смех, как у покойника Бишова, асанка паходит на осудареву асанку, ноги тонки, потому что молат, 19 лет, воласи свои носит, и воласи по паес, руки паходят очинь на Бутурлини... Еще ж данашу: купила я табакерку и персона в ней пахожа на вашо высочество как вы нагия»¹⁹.

В 1729 г., когда встречи с царем стали редкими, Елизавета все чаще уезжала в свои подмосковные владения: Покровское, Александрову слободу. В Москве (а именно там с 1728 по 1732 г. находился двор) все больше говорили об оргиях и любовных похождениях цесаревны с вышеупомянутым А. Б. Бутурлиным, ставшим ее камергером. Следует отметить, что неприглядные факты поведения цесаревны, вероятно, раздувались еще больше родовой верхушкой, стремившейся дискредитировать Елизавету в общественном мнении.

Когда в конце января 1730 г. Петр II неожиданно заболел оспой и умер, имя Елизаветы фигурировало в числе возможных преемников рядом с первой женой Петра I — Евдокией Лопухиной, невестой царя Екатериной Долгорукой и сыном старшей дочери Петра I Карлом Петром Ульрихом. Однако дипломаты сходились на том, что ни цесаревна, ни ее племянник не имеют шансов на престол — слишком слабы были поддерживавшие их группировки. Это и не удивительно.

Реальная тяжесть петровских реформ особенно сильно отразилась на благосостоянии народа и положении страны в целом именно во второй половине 20-х годов и породила волну критики,

в которой терялись голоса сторонников продолжения петровского курса. Кроме того, вторая семья Петра I не имела родственных связей в среде русского дворянства и к этому времени оказалась в изоляции. Сторонники возведения на престол Елизаветы, конечно, существовали, но их было мало, и они не были объединены.

Фаворит цесаревны А. Б. Бутурлин под благовидным предлогом был выслан в армию на Украину, а других возможных инициаторов движения в пользу Елизаветы не нашлось. Как писал К. Г. Манштейн, «некоторые из вельмож империи открыто говорили, что Елизавета слишком молода для сана императрицы и что ее больше занимают удовольствия, нежели необходимость заботы о правлении»²⁰. Думается, мемуарист прав. Верхушка дворянства не доверяла «легкомысленной» дочери Петра. По словам де Лириа, в начале 1730 г. о Елизавете и ее племяннике «говорили только мимоходом». Во время обсуждения кандидатуры на престол высшими сановниками в ее пользу высказался лишь сподвижник Петра Феофан Прокопович, но его мнение тотчас оспорили верховники, заявив, что Елизавета не может занять престол как рожденная до брака дочь Петра. Кроме того, распространялись слухи о ее беременности.

В связи с оценкой шансов Елизаветы на престол в 1730 г. интересно письмо Б. К. Миниха, посланное Елизавете в 1744 г. Отставной фельдмаршал, намаевшись в пелымской ссылке, несколько раз посылал Елизавете просьбы о помиловании. Чтобы показать чистоту своих помыслов, он признавался даже в том, о чем его не спрашивали на следствии в 1742 г. Так, он повинился в доносе на адмирала Сиверса, попавшего из-за этого при Анне Ивановне в опалу. Письмо свидетельствует о слабости позиций Елизаветы в споре за престол в 1730 г. Так, Миних сообщал, что во время присяги Анне во всем Петербурге «ни россиянина ниже кого инаго видел и не слышал, который бы хотя одно слово в пользу е. в. ныне благополучно царствующей императрицы молвил, кроме одного покойного адмирала Сиверса, который публично сказал: корона-де ея императорскому высочеству цесаревне Елизавете принадлежит... я о том по должности моей доносить принужден был»²¹.

Как известно, верховники решили пригласить на русский престол вдовствующую герцогиню Курляндскую Анну Ивановну, ограничив ее самодержавие «кондициями» (условиями). Но олигархическое правление продолжалось недолго: прибыв в Москву и ознакомившись с обстановкой, Анна (при поддержке рядового дворянства) совершила контрпереворот и объявила себя неограниченной монархиней. В продолжение всей эпопеи начала 1730 г. Елизавета никак себя не проявляла. Французский резидент Маньян писал по этому поводу: «Принцесса Елизавета вовсе не показывалась в Москве в продолжении всех толков о том, кто будет избран на престол. Она жила в деревне, несмотря на прось-

бы своих друзей, готовых ее поддержать... Елизавета не раньше явилась в город, как по избранию Анны Ивановны»²².

Годы правления императрицы Анны Ивановны не были, без сомнения, лучшими в жизни Елизаветы. Формально она занимала очень высокое место в государстве и при дворе. На всех официальных церемониях цесаревна шла сразу же после императрицы наравне с племянницей Анны Ивановны Анной Леопольдовной. В день свадьбы Анны Леопольдовны и Антона Ульриха Брауншвейгского, 30 августа 1739 г., за особым столом рядом с новобрачными сидели только императрица и цесаревна. Вместе с сыном Бирона Петром Елизавета открыла праздничный бал²³.

Но между императрицей и цесаревной, приходившимися друг другу двоюродными сестрами, не было ни привязанности, ни родственной теплоты. Характер отношений сестер прекрасно иллюстрирует челобитная Елизаветы императрице 16 ноября 1736 г. Елизавета посадила под арест своего проворовавшегося управляющего С. Корницкого, который был неожиданно освобожден по указу Анны. Это распоряжение, переданное из Тайной канцелярии, очень напугало цесаревну, и она решила упредить возможный донос на нее: «Хотя и не принадлежало было мне трудить особу в. и. в. в такой малой безделице, но необходимая моя нужда принуждает меня в том не терпеть, чтоб не просить милости у в. и. в. ...для очищения моей невинности...» И подпись: «В. и. в. послушная раба Елизавет»²⁴.

Красота Елизаветы, блиставшей на всех придворных празднествах, оттеняла заурядную внешность и грубые манеры императрицы, что последней, естественно, не нравилось. Но не только вызывающая красота Елизаветы раздражала Анну. Императрица не могла забыть годы, проведенные в захолустной Курляндии, куда ее отправил, исходя из высших государственных интересов, грозный дядюшка. В Митаве, став сразу после свадьбы вдовой, она жила более чем скромно, постоянно нуждалась в деньгах на содержание себя и небольшого двора и буквально вымаливала небольшие суммы у Петра и Екатерины: «Доимки на мне тысяча четыреста рублей, а ежели будет милость государя батюшки и дядюшки и государыни матушки и тетушки, то б и еще шестьсот мне на дорогу пожаловали по своей высокой милости». На этой челобитной рукой Петра написано: «Выдать по сему прошению». Впрочем, так реагировали на подобные просьбы вдовой герцогини далеко не всегда. Не удивительно, что в годы царствования Анны Елизавета тоже постоянно нуждалась в деньгах, с которыми, нужно отдать ей должное, она расставалась с необычайной быстротой и легкостью. Постоянная денежная зависимость от императрицы, тратившей сотни тысяч и миллионы на прихоти Бирона, раздражала цесаревну, не знавшую при матери и Петре II ограничений в деньгах. Много лет спустя упрекая великую княгиню Екатерину Алексеевну (будущую Екатерину II) в мотовстве, Елизавета говорила, что Анна Ива-

новна ограничивала ее расходы 30 тыс. руб. в год и не отпускала ей ни копейки больше²⁵.

Не только денежные дела угнетали Елизавету. Она чувствовала себя лишней при дворе и в царской семье. В манифесте Верховного тайного совета об избрании Анны Ивановны на престол от 4 февраля 1730 г. отмечалось, что смерть Петра II «пресекла наследство императорского мужеска колена» и на престол «избрана по крови царского колена... дочь в. г. царя Иоанна Алексеевича» Анна. Не без оснований Маньян отмечал, что этим Елизавета и ее племянник Карл Петр Ульрих навсегда отстранялись от наследования и что «русский двор как бы не признает детей Петра Великого от императрицы Екатерины Алексеевны». Анна, стремившаяся искоренить даже память о верховниках, положение манифеста о преимуществе колена царя Ивана не только полностью одобрила, но и развила, обещав назначить преемником престола Ивана Антоновича — сына своей племянницы Анны Леопольдовны. Но и Анна Ивановна, и ее министры прекрасно понимали, что необходимы более радикальные меры для нейтрализации возможных претензий потомков Петра I и Екатерины I, ибо, как писал в записке, посвященной этой проблеме, А. И. Остерман, «в том сомневаться невозможно, что, может быть, мочи и силы у них (у Елизаветы и ее племянника.— Е. А.) не будет, а охоту всегда иметь будут»²⁶.

Наиболее надежным способом устранения Елизаветы от престола считалась выдача ее замуж. Но если раньше — при Петре I и Екатерине I — Елизавете подбирали пару, исходя из целей упрочения могущества России, то теперь — при Анне — цесаревну стремились выдать замуж только подальше от Петербурга и, как писал Остерман, «за такого принца... от которого никогда никакого опасение быть не может»²⁷. Однако во всех отношениях безопасного для потомков царя Ивана Алексеевича «отдаленного» иностранного принца Елизавете так и не смогли подобрать до самой смерти Анны Ивановны.

Запутанные вопросы престолонаследия, волновавшие Анну и ее окружение, нашли отражение в деле Феофилакта Лопатинского в 1735 г. Всех последственных спрашивали по единому вопросу: (1) «говорили ль они, что государыне цесаревне Елизавете Петровне наследницею российского престола уже не быть того ради, что по преставлении государя императора Петра Второго о принятии императорского российского престола от господ министров было ее высочеству предлагаемо и ее высочество, как слышно было, якобы [от] того отрещись изволила...»; (4) «что оставшийся после цесаревны от голштинского герцога сын Карл Петр Ульрих наследником российской империи быть не может потому, что отец его, герцог, имея наследственное право на шведский престол, уступил это право в пользу своего сына и что он содержит веру лютеранскую»; (5) «что, кроме принцессы Анны, наследником российского престола быть некому и если кто до-

стойный из высоких европейских герцогов сыщется к вступлению с нею в супружество, то может быть и тот по самодержавной е. в. власти и изволению быть наследником российского престола, и хотя бы он был инаго исповедания, то можно в договорах утвердить, чтоб ему быть нашей православной веры»²⁸.

Материалы политического сыска XVIII в. нередко содержат в себе «допросные пункты», которые составлялись, как правило, на основании доноса или предшествующих допросов и ставили целью выявить противозаконные слова и поступки допрашиваемых. Перечисленные выше «допросные пункты» вызывают удивление, ибо они касались проблем, которые никоим образом не затрагивались в деле Ф. Лопатинского, а главное, создается впечатление, что от допрашиваемых добивались не противозаконных речей, направленных на ниспровержение порядка наследования, которого желала Анна, а, наоборот, речей, подтверждающих права Анны Леопольдовны и ее будущих детей на престол (пункт 5) и отвергающих право на престол Елизаветы и ее племянника (пункты 1 и 4). Примечательно, что составители «пунктов» пошли на явную фальсификацию, утверждая, что верховники предлагали Елизавете престол и она якобы отказалась. Думается, они преследовали цель прозондировать общественное мнение о том порядке престолонаследования, который хотела установить Анна Ивановна. Важнее другое — и в 1735 г. проблема Елизаветы оставалась острой и неприятной для царицы.

Поэтому не удивительно, что на протяжении всех десяти лет царствования Анны Ивановны с цесаревны не спускали глаз, следили за ее друзьями и любовниками, засылали в ее окружение соглядатаев. На следствии 1742 г. по делу Б. К. Миниха выяснилось, что в 1731 г., как только Елизавета поселилась в Петербурге, Анна приказала фельдмаршалу, «чтоб он проведал, кто к ней (Елизавете. — Е. А.) в дом ездит», ибо цесаревна «по ночам ездит и народ к ней кричит, показуя свою горячность». Миних поручил наблюдение за домом Елизаветы уряднику Щегловатову, который должен был «для того осмотру нанимать извожиков и за е.и.в. ...ездить и присматривать»²⁹.

Слежка за цесаревной и ее гостями, возможно, была связана с розыскным делом гвардейцев, обвиненных в заговоре в пользу Елизаветы. 22 декабря 1731 г. Анна Ивановна писала Б. К. Миниху: «По отъезде вашем отсюда открылось здесь некоторое зломышленное намерение у капитана от гвардии нашей князь Юрья Долгорукого с двумя единомышленными его такими ж плутами, из которых один цесаревны Елизаветы Петровны служитель, а другой гвардии прапорщик князь Барятинский, которые уже и сами в том винулись». И хотя «по розыску других к ним причастников никаких не явилось», тем не менее Анна приказала арестовать бывшего придворного и фаворита Елизаветы А. Я. Шубина. В 1735 г. был арестован регент из придворного хора Елизаветы Иван Петров, у которого (вероятно, по

доносу) обнаружили письмо «о возведении на престол российской державы, а кого именно, того именно не изображено...». На следствии было установлено, что «письмо» представляет собой текст роли героя праздничной пьесы, исполнявшейся хором в день тезоименитства Анны Ивановны. Примечательно то, что, выпуская Петрова, начальник Тайной канцелярии А. И. Ушаков предупредил регента, чтобы он об аресте «никому не разглашал, також и государыне цесаревне об оном ни о чем отнюдь не сказывал»³⁰.

Елизавета, зная о слежке, стремилась держаться как можно дальше от политики, однако имя ее фигурировало в двух крупнейших процессах второй половины 30-х годов XVIII в. — Долгоруких и А. П. Волинского. Немецкие дипломаты непосредственно связывали Елизавету с заговором Долгоруких, которые якобы намеревались возвести ее на престол, предварительно выдав замуж за А. Л. Нарышкина. Сами же материалы следствия показывают, что Долгорукие не только боролись с Елизаветой за влияние на Петра II, но и считали цесаревну причиной опалы их семьи при Анне. Иван Долгорукий, в частности, говорил в Сибири: «Императрица послушала Елизаветку, а та обносила всю нашу фамилию за то, что я хотел ее за рассеянную жизнь сослать в монастырь». Когда возникло дело А. П. Волинского, то некоторые наблюдатели считали, что заговорщики в своих замыслах ориентировались на цесаревну. Между тем материалы Тайной канцелярии свидетельствуют, что Волинский и его «конфиденты» не принимали всерьез Елизавету и скорее думали о привлечении на свою сторону Анны Леопольдовны. Главный доносчик по делу Волинского — его дворецкий В. Кубанец, не упустивший ни одного компрометирующего Артемия Петровича факта, говорил, что Волинский стремился «убежать цесаревны», чтобы «подозрения... не взяли б»³¹.

Как бы то ни было, слухи о неблагонадежности Елизаветы, о «горячности» к ней гвардейцев создавали цесаревне недобрую славу при дворе, и ее не встречали там с распростертыми объятиями. Да и самой цесаревне, к слову сказать, мало нравилась жизнь двора. Правда, страшные попойки времен Петра и Екатерины прекратились — Анна не терпела пьяных, двор стал блистать роскошью, но живой и веселой Елизавете было скучно там. Танцы и маскарады вытеснила карточная игра, а вместо комедий зрители — в угоду вкусам императрицы — были вынуждены довольствоваться непристойными кривляньями многочисленных шутов и карлов. Не удивительно, что Елизавета стремилась укрыться в своем дворце у Марсова поля (а летом во дворце у Смольного) в кругу близких ей людей.

Двор цесаревны был невелик и не превышал (вместе со слугами) ста человек. Среди придворных полуопальной цесаревны нужно выделить камер-юнкеров двора П. И. и А. И. Шуваловых и М. И. Воронцова, о которых еще пойдет речь. Фрейли-

нами двора цесаревны были преимущественно ее ближайшие родственницы: двоюродная сестра Анна Карловна Скавронская и сестры Гендриковы.

Следует сказать несколько слов о родне Елизаветы со стороны матери. Как известно, Екатерина происходила из ливонских крестьян. Став императрицей, она буквально оторвала от сохи и подойника трех своих братьев — Карла, Антона и Федора Скавронских и двух сестер — Христину и Анну. В одно прекрасное утро они проснулись дворянами, богатыми помещиками и влиятельными людьми при дворе жены Петра Великого. У Карла — старшего брата Екатерины — было шестеро детей. Христина вступила в брак с С. Л. Гендриковым и имела двух дочерей, ставших фрейлинами при дворе цесаревны. Другая сестра Екатерины — Анна вышла замуж за М. Е. Ефимовского и родила трех сыновей. Императрица Анна Ивановна всегда крайне уничижительно высказывалась о мужицкой родне цесаревны и держала ее на почтительном расстоянии от двора. Впоследствии, в указе 1743 г. по спорному делу о поместье между Балк и Ефимовскими, Елизавета отмечала, что при первом разборе тяжбы в 1737 г. Анна Ивановна решила дело в пользу Балк неправильно: «...от немилости ея не токмо к оным Ефимовским, но и ко всем сродным фамилиям нашей государыни любезной матери... Екатерины Алексеевны, яко Скавронским и Гендриковым, и ко утеснению их [то] учинено»³².

Поэтому клан Скавронских — Гендриковых — Ефимовских, потеряв «кредит» при дворе, тянулся к Елизавете, видя в ней свою единственную опору и надежду. Цесаревне приходилось устраивать в столице своих подрастающих племянников, хлопотать о повышении их по службе, разбирать споры родственников, ходатайствовать в их тяжбах, ссужать деньгами — одним словом, нести тяжкое бремя высокопоставленного родственника в столице, могущество которого провинциальной родне казалось преувеличенным.

Жизнь двора Елизаветы заметно отличалась от церемонной жизни большого императорского двора. Придворные цесаревны не были отягчены ни титулами, ни орденами, ни государственными обязанностями. Ближайшие люди Елизаветы сплошь были молоды. В 1730 г. Елизавете исполнился 21 год, А. И. и П. И. Шуваловым было по 20 лет, М. Шепелевой — 22, А. Г. Разумовскому — 21, М. И. Воронцову — 16 лет.

Энергичная и неумная Елизавета была заводилой всех празднеств, маскарадов, поездок за город на прогулки и охоту (в основном в Царское Село).

Особое пристрастие имела Елизавета к пению и театру. В 30-е годы при ее дворе образовался хор, состоявший из украинских казаков, специально отбиравшихся на Украине посланными цесаревной людьми. Обладая слухом и голосом, Елизавета пела с этим хором в церкви. Тогда же появляются сообщения

о любительском театре цесаревны, на сцене которого ставились трагедии. До наших дней дошли вирши, сочиненные самой цесаревной:

Сия удивлейна нынче учинилась,
А что любовь сама во глупость вселилась. Тебя уязвила,
Мыслила тую болей в ум вселити,
А ан! стала тая еще глупее быти.
Ревность пресильна в ней пребывает и себя мертвит³³.

Эти далекие от совершенства стихи связывают обычно с сильным увлечением Елизаветы в начале 30-х годов камер-пажом А. Я. Шубиным. Роман был прерван по распоряжению Анны Ивановны, сославшей Шубина в Ревельский гарнизон, а потом приказавшей арестовать его по делу А. Барятинского. По-видимому, Шубин был арестован облыжно. Б. К. Миних, который вел это дело, писал: «...присланные (с арестантом.— Е. А.) письма я рассмотрел, и явились его деревенские партикулярные и полковые, а причинных (т. е. связанных с причиной ареста.— Е. А.) никаких не имеется». Тем не менее в январе 1732 г. Шубин был сослан в Сибирь «за всякие лести». Что имелось в виду под этим — не ясно. Известно лишь, что Шубин провел на каторге десять лет и был освобожден только в 1742 г., причем курьер с большим трудом нашел лишенного имени и фамилии арестанта³⁴.

Так и жил «малый двор» своими большими и малыми заботами, и неизвестно, какая бы судьба ожидала Елизавету и ее людей, если бы со смертью Анны Ивановны в октябре 1740 г. не стал стремительно раскручиваться клубок событий, уже известных читателю.

Сразу отметим, что Елизавета не принимала никакого участия в совершавшихся в то время переворотах. Вместе с Анной Леопольдовной, приходившейся ей племянницей, она сидела у постели умирающей Анны Ивановны и в истории с назначением регентом Бирона, как и позже в свержении его, никак не фигурировала. Но нейтралитет, некоторая отстраненность от придворных интриг — позиция, ставшая привычной для цесаревны еще при жизни Анны, никого не вводила в заблуждение относительно ее возможной роли в придворных делах и ее нереализованных прав на русский престол. Перед смертью Анны кандидатура Елизаветы как преемницы престола при дворе всерьез не обсуждалась, но об ее участии в предполагаемом регентском совете, в различных брачных комбинациях династического характера иностранные дипломаты писали много. Все они заметили, что одним из первых шагов Бирона-регента было увеличение пенсии Елизавете. В этом не без основания усматривали стремление регента наладить с цесаревной добрые отношения и устроить матримониальные дела семейства Бирона, давно мечтавшего породниться с царствующей династией. Есть сведения о встречах и длительных беседах Бирона с Елизаветой. Возможно, цесаревна, как и все

при дворе, боялась временщика и была вынуждена мириться с его обществом. Однако весьма характерно, что в царствование Елизаветы Бирон провел ссылку не в Березове или Пелыме, а в Ярославле, где условия жизни были несравнимо лучше, чем в Сибири. Не менее галантно обращался с Елизаветой и сменивший Бирона Миних, тоже многократно посещавший цесаревну, что вызывало большое беспокойство у Брауншвейгской фамилии.

Внимание временщиков к Елизавете было не случайным, а вынужденным, ибо они не могли не считаться с теми силами, которые, как предполагалось, стояли за дочерью Петра. Все знали о ее популярности в гвардейской среде. О симпатиях гвардии к цесаревне свидетельствовали многочисленные дела в Тайной канцелярии, начатые при Анне Ивановне и Иване VI Антоновиче. Правителей не могли не настораживать признания, подобные тем, которые делали прапорщик Преображенского полка А. Барятинский и Ю. Долгорукий и за которые они в 1737 г. заплатились головой: «...так они [гвардейцы] цесаревну любят и ей верны, что умереть готовы, если она наследницей желает быть»; «есть у них человек с триста друзей, которые для услуг цесаревне будут готовы»³⁵. Да и в ходе следствия по делам солдат и офицеров, арестованных в период кратковременного регентства Бирона, стало известно, что в гвардейской среде Елизавету считали несправедливо обойденной в завещании покойной царицы.

Весьма показателен следующий эпизод, связанный со свержением Бирона. На следствии 1742 г. по делу Миниха выяснилось, что он, воодушевляя гвардейцев на переворот 7 ноября 1740 г., сказал им: «Хотите ль вы государю служить? Ведаете, что регент есть, от которого *государыне цесаревне* (здесь и далее курсив мой.— *Е. А.*), племяннику ея принцу Иоанну и родителям его есть утеснение, и надобно его (Бирона.— *Е. А.*) взять...» На очной ставке с гвардейцами Миних признался, что сказал им так, дабы «их, гренадеров, во исполнение воли принцессы Анны анкуражировать». Иначе говоря, Миних в своем обращении к солдатам искусно увязал судьбы Брауншвейгского семейства и Елизаветы в надежде, что упоминание дочери Петра гарантирует успех предприятия в пользу брауншвейгцев. Несмотря на то что все эти сведения были получены позже, при Елизавете, и — что немаловажно — в застенке, им можно доверять: еще 13 июня 1741 г., т. е. задолго до допроса 1742 г., Э. Финч писал в Лондон, что когда солдаты шли свержать Бирона, то полагали, что «они идут постоять за матушку Елизавету Петровну, т. е. за добрую мать Елизавету, дочь Петра»³⁶.

Симпатии гвардейцев делали Елизавету опасным политическим конкурентом. Бирон, опасаясь гвардии, вызвал в Петербург несколько армейских полков, рассчитывая на их полное послушание правительству. На следствии 1741 г. он признал, что и при жизни Анны, и во время своего регентства не раз говорил о том, что «лучше в тех (гвардейских.— *Е. А.*) полках солдатам быть

не из дворян, а дворян производить в офицеры, понеже оные чрез многие годы в солдатстве продолжают без произвожения». Смысл «заботы» Бирона о гвардейцах очевиден. Думается, если учесть все эти обстоятельства, не покажется особенно преувеличенным следующее сообщение французского посланника И.-Ж. Шетарди, переданное им со слов Елизаветы: «...Миних, придя к ней с пожеланиями счастья в Новый год, был чрезвычайно встревожен, когда увидел, что сени, лестница и передняя наполнены сплошь гвардейскими солдатами, фамильярно величавшими эту принцессу своей кумой (Елизавета часто приглашалась подобно Петру в крестные детей гвардейцев.— *Е. А.*); более четверти часа он не в силах был прийти в себя в присутствии принцессы Елизаветы, ничего не видя и не слыша»³⁷. Тревогу Миниха понять можно. Описанная Шетарди сцена происходила на новый 1741 год и по времени совпала с началом заговора, закончившегося переворотом в пользу Елизаветы.

Именные списки лейб-компаний Елизаветы — т. е. списки тех, кто совершил переворот 25 ноября 1741 г., — позволяют уточнить вопрос о социальной опоре Елизаветы. Казалось бы, что тут уточнять? Все и так известно. Гвардейцы были той силой, на которую опиралась Елизавета, начав заговор против правительства Анны Леопольдовны. Гвардия — это дворянство, служившее в привилегированных полках. Именно дворяне, одетые в гвардейские мундиры, и пошли за дочерью Петра. Однако не будем спешить.

Именные списки содержат подробные сведения о прохождении службы гвардейцами, участвовавшими в перевороте в пользу Елизаветы, об их семейном положении, пожалованиях, взысканиях, грамотности и — что особенно ценно — об их социальном происхождении. Списки показывают, что переворот осуществили 308 гвардейцев, из них лишь 54 человека, или 17,5%, происходили из дворян, 137 человек, или 44%, — из крестьян, 25 человек — из однодворцев, 24 человека составляли дети церковников, еще 24 человека — солдатские дети, 14 человек — бывшие холопы или их дети. Кроме того, в реестрах упомянуты бывшие монастырские служители, казаки, инородцы, посадские и купцы. Всего выходцев из «разных чинов» (кроме дворянства и крестьянства) было 117 человек, или 38%. Вместе с крестьянами они составляли 82,5% (254 человека) общей численности участвовавших в перевороте гвардейцев³⁸. Иначе говоря, Елизавета была возведена на престол гвардейцами, происходившими в основном не из дворян.

Это наблюдение в целом подкрепляется известными науке фактами. Пришедшая к власти Анна Ивановна и ее окружение прекрасно понимали ту опасную для них роль, которую могла сыграть гвардия. Поэтому с середины 30-х годов правительство взяло курс на замену дворян в гвардии на рекрутов из податных сословий. Не случайно в манифесте об отрешении Бирона от

власти правительство Анны Леопольдовны писало: «Для лучшего произведения злого своего умысла намеренно взял (Бирон.— Е. А.) из полков лейб-гвардии наших Преображенского и Семеновского, в которых по древним учреждениям бóльшая часть из знатного шляхетства, всегда нам и предкам нашим непоколебимо в верности находившегося, состоит, оное вовсе вывести и выключить и места их простыми людьми наполнить»³⁹. Приведенные данные о социальном происхождении участников переворота 25 ноября 1741 г. подтверждают справедливость обвинения Бирона.

Как известно, Бирона постигла неудача. Его расчет на нейтрализацию гвардии путем замены ее состава оказался ошибочным: гвардия по-прежнему отражала и защищала интересы прежде всего господствующего сословия. Полагать, что гвардейцы, совершившие переворот в пользу Елизаветы, отражали социальные воззрения тех сословий, из которых они вышли, было бы явной вульгаризацией, упрощением, ибо в основе взглядов и психологии гвардейцев лежали идеи, присущие дворянской массе в целом. Вместе с тем для психологии гвардейцев были характерны и такие черты, которые, с одной стороны, отличали ее от социальной психологии рядовых помещиков, а с другой — способствовали слиянию выходцев из различных сословных групп в единую корпорацию — гвардию.

Гвардейцы были носителями типично преторианской психологии. Служа при дворе, они видели его жизнь изнутри. Подробности быта, поведения монархов и вельмож были всегда перед глазами стоявших в карауле солдат, являлись основной темой разговоров и воспоминаний в гвардейских казармах. Многолетняя служба во дворце приводила к тому, что они чувствовали свою причастность ко всем мелким и крупным событиям жизни правящего монарха и его окружения. Поэтому пышность двора не ослепляла их, а их отношение к царствующим особам, увешанным орденами генералам и придворным было лишено собственного многим подданным благоговения. В связи с этим нельзя не вспомнить передаваемый П. Н. Петровым анекдотический случай с грустным исходом, происшедший с П. И. Паниным, который, стоя на часах, почувствовал позыв на зевоту в тот самый момент, когда мимо проходила Анна Ивановна. Он «успел пере-силить себя. Тем не менее судорожное движение челюстей было замечено императрицей, отнесшей это действие часового к намерению сделать гримасу, и за эту небывалую вину несчастный юноша» был послан рядовым солдатом в пехотный полк, направленный на войну с турками⁴⁰.

Гвардия представляла собой сплоченное, хорошо обученное воинское соединение со сложившимися традициями и ярко выраженным корпоративным духом, что обеспечивало ей редкое единство и дисциплинированность в ответственные моменты в отличие от корпораций придворных и чиновников, разобщенных в силу

особенностей их службы. Все вышесказанное порождало у гвардии преувеличенное представление о своей роли в придворной жизни.

Это умонастроение достаточно точно отражено в материалах следствия над Минихом в 1742 г. Воодушевляя солдат на переворот, он говорил, что «ежели они хотят служить ей и.в. ...то бы шли с ним ево (Бирона.— *Е. А.*) арестовывать, ибо-де кого хотят государем, тот и быть может, хотя принца Иоанна (Ивана Антоновича.— *Е. А.*) или герцога Голштинского»⁴¹. Миних, конечно, преувеличивал, льстил гвардейцам. Гвардия безусловно являлась силой, но силой не самостоятельной и поэтому легко становилась послушным орудием в руках политических дельцов. Примечательно, что на очной ставке Миниха обличали девять солдат лейб-кампанцев. Иначе говоря, свергать Бирона с Минихом шли те же самые солдаты, которые потом с Елизаветой свергли Анну Леопольдовну и арестовали Миниха.

Но в настроениях гвардейцев в конце 30-х — начале 40-х годов преобладало чувство, ставшее важным элементом общественной психологии того времени, особенно в столице,— патриотизм. Следственные дела Тайной канцелярии пестрят выражениями недовольства засильем иноземцев, всемогущей немецкой кликой и Анной Ивановной, пригравшей у себя иностранных расхитителей богатств России. Объективность патриотических настроений отмечали иностранные наблюдатели. К. Г. Манштейн в своих мемуарах писал, что «до некоторой степени можно извинить эту сильную ненависть русских дворян к иноземцам», так как «в царствование Анны все главнейшие должности были отданы иноземцам, которые распоряжались всем по своему усмотрению, и весьма многие из них слишком тяжело давали почувствовать русским власть, бывшую в их руках». Осуждение политического режима в общественном сознании переплеталось с осуждением морали стоящих у власти. Немало людей лишились здоровья, языка, а то и жизни за предосудительные разговоры о близости Анны и Бирона, о том, как «он ее знатно штанами крестил»⁴².

Следствием этого недовольства, дополнительно возбуждаемого действиями репрессивного аппарата, была идеализация Петра I. В памяти народа он остался грозным, но справедливым и заботившимся о благе россиян царем. В среде крестьян нового поколения, уже не испытывавшего на своей спине тяжести петровского государственного гнета, были распространены легенды о борьбе Петра с «обидчиками» народа⁴³. Примечательной чертой крестьянского сознания той эпохи была трактовка петровских указов как направленных на защиту интересов народа. В обстановке господства немецких временщиков идеализация великого реформатора распространялась и на его дочь.

В общественной психологии ненависть к иностранным временщикам и симпатии к Елизавете тесно переплетались. Как со-

общал цесарский посол Линар, господство немцев надоело народу, поэтому «в мыслях его... цесаревна Елизавета — дочь императора Петра и, следовательно, женщина русская». Дело Феофилакта Лопатинского 1735 г. подтверждает наблюдение Линара. Так, один из подследственных — И. Самгин, рассказывая товарищам о том, как иноземцы несправедливо обидели вдову А. А. Матвеева, сподвижника Петра I, при рассмотрении в Сенате спорного поместного дела и ей «в том турбацию учинили — хотят отнять у нее четвертую часть поместья», резюмировал: «Вот наши министры и прочие господа мимо достойной наследницы государыни цесаревны избрали на престол российской эту государыню императрицу (Анну Ивановну. — Е. А.), чая, что при ней не будут иноземцы иметь больщину, а цесаревну мимо обошли... Но бог за презрение достойного наследника сделал над нашими господами так, что только на головах их не ездят иноземцы»⁴⁴.

В гвардейской среде, особенно среди низов гвардии, идеализация Петра и Елизаветы, как и недовольство иноземцами, приобрела массовый характер. Деградация власти проходила буквально на виду у гвардейцев. Ничтожность Брауншвейгской фамилии как бы подчеркивала в их глазах величие облика Петра. И здесь нет преувеличения. Списки лейб-кампании Елизаветы показывают, что из 308 лейб-кампанцев 101 человек, или почти треть, начал свою службу при Петре, а 57 человек даже прошли школу Северной войны, войн с турками и персами. Ко времени переворота этим людям было минимум 45—50 лет — возраст по понятиям XVIII в. почтенный. Можно представить, как седоусые ветераны рассказывали своим слушателям о годах, проведенных в походах рядом с великим императором, о Елизавете, выраставшей на их глазах. Списки позволяют с уверенностью говорить о том, что у петровских ветеранов были благодарные слушатели: 120 лейб-кампанцев — это «зеленая молодежь», записанная в гвардию в 1737—1741 гг. Данные о социальном происхождении этой молодежи свидетельствуют, что большинство из них (73 человека) — крестьяне. Они составляли больше половины общего числа выходцев из крестьян, находившихся в лейб-кампании.

Это наблюдение говорит о том, что к концу царствования Анны Ивановны Бирон практически начал обновление гвардии. В первую (!), самую привилегированную роту Преображенского полка были зачислены даже не солдаты из армейских полков, а рекруты, в основном крестьяне. Не приходится сомневаться, что сочетание петровских ветеранов и ведомой ими необстрелянной деревенской молодежи (всего и тех и других было 221 человек, или 71,7% общего числа лейб-кампанцев) и стало горючим материалом переворота 25 ноября 1741 г. Примечательно, что сведения о грамотности в именных списках лейб-кампанцев показывают, что крестьяне, попавшие в гвардию в 1737—1741 гг., были

почти сплошь неграмотные: из 73 человек читать и писать умели лишь четверо. У остальных лейб-кампанцев положение было много лучше — грамотными были 30% общего числа учтенных.

Следует отметить, что и сама Елизавета много сделала для роста своей популярности в гвардейской среде. Будучи удалена от двора Анны Ивановны, Елизавета водила компанию с гвардейцами, казармы которых находились неподалеку от ее Летнего дворца, привлекая их красотой, обходительностью, веселостью, истинно петровской простотой обращения. В ее происхождении, поведении, внешности было много черт, симпатичных для солдат и столичных низов, и во мнении довольно широких слоев петербургского населения она заметно выигрывала в сравнении с грубой, надменной и полностью подчинившейся Бирону Анной Ивановной. Дело Лопатинского содержит на этот счет любопытное свидетельство. Иеромонах Кучин говорил своему товарищу Зворыкину: «...как от кого не послышишь, государыня цесаревна любезна, и многие очень сожалеют (о ее нереализованных правах на престол.— *Е. А.*), как-де и ты от многих слышал». Зворыкин это подтвердил и сказал: «И мне-де, батюшка, жаль государыни цесаревны, как мимо нея эту государыню (*Анну Ивановну.— Е. А.*) избрали, так жаль было, что едва не плакал... очень мне она кажется взором любезна, какова-то будет эта государыня?» Самгин, присутствовавший при разговоре, в ответ сказал об Анне Ивановне: «Эта государыня груба лицом»⁴⁵.

Анализ именных списков лейб-кампании не должен, однако, вводить нас в заблуждение относительно социального состава гвардии в целом; она, конечно, состояла в основном из дворян, в том числе и знатных. Но знать осталась безучастной к заговору и перевороту, и Елизавету поддерживали гвардейские низы, потому что они были ближе к широким слоям столичного населения, где патриотические настроения преобладали. Верхи же гвардии — «золотая молодежь» того времени — были теснее связаны с дворянством и разделяли его несколько пренебрежительное отношение к Елизавете. Сословный дух принадлежности к дворянству был сильнее корпоративного духа гвардии, что и неудивительно, ибо служба в гвардии рассматривалась как одна из почетно-принудительных обязанностей господствующего класса. Этим и объясняется незначительное число дворян в лейб-кампании, отсутствие в ней представителей знатных фамилий и вообще отсутствие среди заговорщиков офицеров, которые могли бы быть организаторами переворота.

Именно то обстоятельство, что среди заговорщиков не было людей, способных возглавить переворот, предопределило личное участие самой Елизаветы в захвате власти — черта уникальная в истории дворцовых переворотов в России XVIII в.

Не менее примечательной была и другая черта, присущая перевороту 25 ноября 1741 г. Речь идет о причастности к заговору в пользу Елизаветы иностранных дипломатов, в первую

очередь посланника Франции Иоахима-Жана Тротти маркиза де ла Шетарди и посланника Швеции Эрика Матиаса Нолькена. Дипломаты представляли при русском дворе страны-союзицы и преследовали общую цель — добиться ослабления России.

Францию, восстановившую в 1739 г. отношения с Россией, беспокоил рост ее могущества после реформ Петра, ибо уже с середины 20-х годов Россия неизменно придерживалась политики союза с Австрией, усиливая тем самым извечного соперника Франции на континенте. Ослабить Австрию можно было путем разрыва русско-австрийского союза. Эта цель стояла перед французской дипломатией и конкретно перед Шетарди.

Ослабления России хотела и Швеция, пережившая в результате Северной войны (1700—1721 гг.) глубокий кризис и к концу 30-х годов отчасти восстановившая свои силы. В новом, послеништадтском поколении шведских дворян возросли настроения реванша и число сторонников ревизии вооруженным путем условий Ништадтского мира. Франция поддерживала Швецию в ее притязаниях. Особое оживление шведов вызвало сообщение о болезни и смерти Анны Ивановны.

Именно с момента смерти Анны начинается интрига Швеции, основанная на использовании в своих целях предполагаемой борьбы за власть при русском дворе. Узнав о болезни царицы, министр иностранных дел Швеции К. Гилленборг поставил перед Нолькеном задачу вступить в контакт с теми группировками русской правительствующей верхушки, которые в ответ на шведскую помощь в захвате власти будут готовы пойти на территориальные уступки Швеции. Нолькена ориентировали на одну из трех группировок — Бирона, Анны Леопольдовны и Елизаветы. Уже в начале ноября 1740 г. обстановка прояснилась — Бирон был свергнут. Единственной «партией» в оппозиции правительству была группировка Елизаветы. На нее и обратил свое внимание Нолькен. Стокгольм предписал Нолькену сотрудничать в порученном деле с французским послом Шетарди.

Сообщением Шетарди от 18 ноября 1740 г. министру иностранных дел Франции Ж.-Ж. Амело о первых беседах с Нолькеном начинается интенсивная переписка французских дипломатов по делу Елизаветы. До начала 1741 г. Версаль скептически относился к Елизавете и ее шансам вступить на русский престол. Французское правительство считало, что заговор с участием Елизаветы обречен на провал и если французы будут замешаны в нем, то это может привести к резкому ухудшению и без того довольно прохладных русско-французских отношений и отдалить перспективу желаемого Версалем разрыва русско-австрийского союза. Шетарди признавал популярность Елизаветы, но считал, что «страсть к удовольствиям ослабила у этой принцессы честолюбивые стремления; она находится в состоянии бессилия, из которого не выйдет, если не послушается добрых советов; советчиков же у нее нет никаких, она окружена лицами, неспособными

давать ей советы. Отсюда необходимо происходит уныние, которое вселяет в нее робость даже относительно самых простых действий»⁴⁶.

Столь уничижительный вывод определял поначалу характер бесед Шетарди с Нолькеном о заговоре Елизаветы, причем французский посол отговаривал своего коллегу от рискованной затеи участия в нем. Нолькен соглашался с доводами Шетарди, но действовал по собственному плану. В начале декабря 1740 г. он сказал Шетарди, что «партия принцессы Елизаветы не так ничтожна», как думает Шетарди, и цесаревна через посредников начала переговоры с некоторыми крупными государственными деятелями и генералами, не говоря уже о том, что гвардия «готова к действию». Из всего сказанного шведским послом Шетарди сделал верный вывод: Нолькен вступил в непосредственные переговоры с Елизаветой.

Переговоры от имени Елизаветы с большими предосторожностями вел личный врач цесаревны Иоганн Герман Лесток и, возможно, камер-юнкер М. И. Воронцов. В конце 1740 — начале 1741 г. Елизавета встретила Шетарди, и он, убедившись в серьезности ее намерений, обратился в Версаль за разрешением содействовать зрелшему заговору.

Отношение Франции к ситуации, сложившейся в России в начале 40-х годов XVIII в., хорошо отражено в дипломатической переписке. Содействуя заговору Елизаветы, французское правительство намеревалось в случае успеха переворота решить несколько важнейших внешнеполитических задач. Во-первых, версальские политики надеялись, что, придя к власти, Елизавета откажется от внешнеполитического курса проавстрийского правительства Анны Леопольдовны. Во-вторых, расчеты французской дипломатии строились на том, что, придя к власти, Елизавета откажется от петровских принципов внутренней политики. Иностранные наблюдатели считали «партию» Елизаветы крайне консервативной, отрицательно относящейся не только к немецким временщикам, но и вообще к западному влиянию, усилившемуся после петровских реформ. Шетарди писал Амело: «...для службы короля будет важно оказать содействие вступлению на престол Елизаветы и тем привести Россию по отношению к иностранным государствам в прежнее ее положение...» Если такой глобальный план осуществить не удастся, то Франция, полагал Шетарди, по крайней мере сможет «разделить благодарность, какую стяжает Швеция, поддерживая интересы Елизаветы»⁴⁷.

Переписка Шетарди с Амело дает возможность уловить существенную разницу в подходе каждого из дипломатов к заговору Елизаветы. Посол с головой окунулся в пьянящую романтику заговора с переодеваниями, ночными визитами, тайниками для записок, многозначительными улыбками и разговорами на придворных балах. Мать Екатерины II отметила в своих письмах-мемуарах, что «свидания происходили в темные ночи, во время

грозы, ливней, снежных метелей, в местах, куда кидали пададь»⁴⁸. Немудрено, что перспективы заговора, идейным руководителем и крестным отцом которого Шетарди считал себя, казались ему весьма оптимистичными.

Амело, вероятно, человек не столь увлекающийся, как маркиз, и, судя по письмам, глубокий аналитик, смотрел на все дело иначе. Министр считал, что у Елизаветы мало шансов на успех и что шведы не смогут найти с цесаревной общего языка. Однако свержение проавстрийского правительства Анны Леопольдовны устраивало и Францию, и Швецию. Поэтому Амело согласился поддержать группировку Елизаветы, хотя постоянно оппонировал не в меру увлекшемуся заговором послу в Петербурге. По мнению министра, задача французской дипломатии состояла не в участии ее представителей в заговоре, а в умелом руководстве шведами. Иначе говоря, французы намеревались таскать каштаны из огня чужими руками. Амело считал, что «не только желательно, чтобы план принцессы Елизаветы увенчался успехом, но необходимо еще, чтобы это произошло не иначе как при содействии Швеции и чтобы даже в этом случае принцесса Елизавета доподлинно знала о главной пружине, давшей ход ее делу, так, чтобы для интересов короля можно было пожать плоды, которые мы вправе ожидать отсюда»⁴⁹.

Сам же Версаль ограничивался туманными и крайне осторожными обещаниями содействовать исполнению желаний Елизаветы. В феврале 1741 г. Шетарди было поручено «уверить принцессу Елизавету в следующем: если король найдет возможность оказать ей эту услугу и она захочет доставить ему средства к тому, то может рассчитывать, что е. в. доставит удовольствие содействовать успеху того, что она может пожелать, и ей следует вполне положиться на добрые намерения е. в.»⁵⁰.

Вообще отношения сторон не отличались доверием. Велась довольно осторожная игра, и партнеры не спускали друг с друга глаз. Когда во встречах Нолькена и Елизаветы наступил длительный перерыв и Шетарди не сообщал в Версаль ничего существенного о ходе переговоров, Амело был обеспокоен тем, как бы шведы и Елизавета не договорились обо всем за спиной Франции. «Вы понимаете,— писал он Шетарди,— все основания, побуждающие нас желать, чтобы эта принцесса имела возможность чувствовать признательность к (французскому.— Е. А.) королю за успех своих планов». Однако перерыв в переговорах, так обеспокоивший Версаль, был вызван тем, что Елизавета и ее сторонники решили, что «все раскрыто на основании слухов, касавшихся примирения между Швецией и Россией», и что участвовавшие визиты Шетарди к Остерману «имели целью уладить это примирение»⁵¹.

Для взаимного недоверия были веские причины. Шведы предлагали Елизавете следующий план действий: она готовит силы переворота, а Швеция объявляет войну России и начинает на-

ступление на Петербург, чем вызывает там панику. Этим и должна была воспользоваться группировка Елизаветы для захвата власти. Однако за помощь шведов Елизавета должна была заплатить очень дорогую цену — вернуть Швеции значительную часть территорий, отошедших к России по Ништадтскому миру 1721 г. Шведские требования, касавшиеся кардинальной ревизии Ништадтского мира, принципиально не устраивали Елизавету Петровну, репутация и популярность которой зиждились как раз на сохранении наследия Петра Великого. Амело, внимательно следивший за переговорами, не без оснований писал Шетарди: «Я ничуть не удивлен, что принцесса Елизавета избегала предварительных объяснений о какой бы то ни было земельной уступке Швеции со своей стороны; я всегда думал, что эта принцесса не пожелает начать с условий, которые могли бы обескуражить и, пожалуй, расстроить ее партию, опозорив принцессу в глазах народа». В другой раз он писал, что Елизавету, вероятно, останавливает то, что Россия лишится «по ее вине выгод и приобретений, составлявших предмет громадных усилий Петра I»⁵². Однако до серьезного обсуждения территориальных уступок дело так и не дошло — переговоры застопорились на начальной фазе.

На первых же встречах Нолькен предложил Елизавете подписать обязательство, текст которого гласил, что она уполномочивает посла просить шведского короля об оказании ей помощи в захвате престола, одобряет и обещает одобрять впредь «все меры, какие е. в. король и королевство шведское сочтут уместным принять для этой цели». В случае успеха она была обязана «не только отблагодарить короля и королевство шведское за все издержки этого предприятия, но и представить им самые существенные доказательства... признательности»⁵³. Елизавета отказалась подписать такой документ и пыталась ограничиться устной просьбой, что в свою очередь не устраивало Нолькена, стремившегося связать цесаревну письменным обязательством. Министр иностранных дел Швеции Гилленборг пошел еще дальше: он потребовал, чтобы Елизавета приехала в Швецию, «когда наступит момент нанесения решительного удара». Елизавета сразу же отвергла идею бегства.

Дальнейшие переговоры Нолькена и Шетарди с Елизаветой состояли в основном в уговорах цесаревны подписать обязательство, чего она всячески избегала. Елизавета не скрывала своих опасений: в случае провала подписанная бумага будет равносильна вынесенному приговору. Не менее, а, возможно, и более Елизавету волновало другое обстоятельство, которое Шетарди и Нолькен обсуждали между собой в апреле 1741 г.: «...что касается нерешительности принцессы, мы с Нолькеном предполагаем, что партия ее, с которой она не может не советоваться, ставит ей на вид следующее: она сделается ненавистной народу, если окажется, что она призвала шведов и привлекла их в Россию»⁵⁴. Думается, дипломаты были недалеки от истины — опасения ди-

скредитировать себя как политического деятеля, возведенного на престол армией враждебного России государства, останавливали Елизавету, заставляли ее колебаться, высказывать сомнения, надолго прерывать переговоры и даже избегать встреч с Нолькеном и Шетарди.

Елизавета сомневалась, колебалась, а время шло. Нолькен, сообщая в Стокгольм о переговорах, изображал их ход вполне успешным, а результат — почти достигнутым. Шетарди, как и Нолькен, преувеличивал успех переговоров, считая, что Елизавета вот-вот подпишет требуемое от нее обязательство. Но прошла весна, наступило лето — время военных кампаний, и шведское правительство решилось начать войну против России, не дожидаясь результатов переговоров с Елизаветой. Собственно, сами переговоры были лишь дополнительным аргументом в пользу начала военных действий. Война была predetermined общей политической обстановкой в Швеции, усилиями группировки «шляп», стремившейся добиться политического господства в стране посредством победоносной войны с Россией. Переговоры в Петербурге, слабость правительств после смерти Анны создавали, по мнению шведских руководителей, благоприятную обстановку для начала войны. Наличие в русской столице оппозиционной группировки Елизаветы и переговоры с ней рассматривались шведским правительством как один из факторов, создавших эту благоприятную обстановку.

В связи с готовившимся разрывом дипломатических отношений с Россией Нолькен получил приказ покинуть Петербург. Перед отъездом, в середине лета 1741 г., посол в последний раз встретился с Елизаветой, которая вновь под благовидным предлогом отказалась подписать обязательство, текст которого Нолькен принес и на прощальную встречу. Расхождение взглядов сторон было столь значительным, что переговоры с самого начала зашли в тупик и в сущности не дали реальных результатов.

Анализ дипломатической переписки позволяет предположить, что цесаревна не хотела подписывать компрометирующие ее документы еще и потому, что не особенно доверяла действительности помощи Швеции. Елизавета ожидала развития русско-шведского конфликта. Амело, анализируя ситуацию в России, писал, что пассивность Елизаветы «может быть вызвана некоторым недоверием, что сама Швеция, несмотря на первоначальные демонстрации, ничего не предпримет и вследствие этого бездействия принцесса Елизавета останется подверженной неприятным последствиям»⁵⁵. Когда началась война, Елизавета заверила Шетарди, что подпишет обязательство, как только дела шведов пойдут хорошо. В доказательство своих намерений Елизавета передала французскому послу дополнительные пункты, в которых обещала компенсировать расходы шведов на войну, выплачивать Швеции субсидию, разорвать соглашения с Англией и Австрией

и ориентироваться на Францию и Швецию. Однако, как и раньше, в пунктах не было речи о территориальных уступках.

Надежды заговорщиков на успешное наступление шведов, которое могло изменить ситуацию в русской столице, не оправдались. Первое серьезное сражение под Вильманстрандом 23 августа 1741 г. завершилось поражением шведской армии. И хотя русское командование не использовало плоды победы в Финляндии, для оппозиции стала очевидной беспочвенность расчетов на военную помощь шведов. Не оправдались надежды и на финансовую поддержку Франции: Шетарди смог предоставить лишь 2 тыс. ливров — сумму ничтожную для задуманного дела. Правда, Нолькен располагал значительной суммой — 100 тыс. экю, но, несмотря на просьбу Елизаветы, переданную через Лестока, отказывался их дать до тех пор, пока цесаревна не подпишет обязательство⁵⁶.

Осенью 1741 г. обстановка для заговорщиков стала ухудшаться. Следует отметить, что правительство давно знало о контактах цесаревны с иностранными дипломатами. Еще в январе 1741 г. аудитор Барановский получил приказ наблюдать за дворцом Елизаветы и рапортовать, «какие персоны мужеска и женска пола приезжают, також и е. в. куды изволит съезжать и как изволит возвращаться... Французский посол, когда приезжать будет во дворец цесаревны, то и об нем рапортовать...»⁵⁷.

В марте 1741 г. министр иностранных дел Англии Гаррингтон поручил послу Финчу довести до сведения дружественного Англии русского двора следующее: «В секретной комиссии шведского сейма решено немедленно стянуть войска, расположенные в Финляндии, усилить их из Швеции... Франция для поддержки этих замыслов обязалась выплатить два миллиона крон. На эти предприятия комиссия ободрена и подвигнута известием, полученным от шведского посла в Санкт-Петербурге Нолькена, будто в России образовалась большая партия, готовая взяться за оружие для возведения на престол великой княжны Елизаветы Петровны и соединиться с этой целью со шведами, едва они перейдут границу. Нолькен пишет также, что весь этот план задуман и окончательно улажен между ним и агентами великой княжны с одобрения и при помощи французского посла маркиза де ла Шетарди; что все переговоры между ними и великой княжной велись через француза-хирурга, состоящего при ней с самого ее детства». Финч сообщил об этом Остерману и Антону Ульриху. Последний признался в том, что «правительство уже давно питает большие подозрения насчет замыслов Шетарди и Нолькена» и что «сближение Нолькена с врачом в. к. Елизаветы Петровны под предлогом врачебных советов давно обратило на себя внимание». Антон Ульрих сказал также, что Шетарди бывает у Елизаветы очень часто, «даже по ночам переодетый, а так как при этом нет никаких намеков на любовные похождения, посещения эти, очевидно, вызваны политическими мотивами»⁵⁸.

Однако большего — т. е. содержания ночных бесед Елизаветы с французским послом — правительство не знало. Остерман даже просил Финча пригласить к себе в гости Лестока и, пользуясь его пристрастием к вину, выведать подробности заговора. Обсуждались возможные варианты действий заговорщиков. Так, правительство с тревогой присматривало за Минихом, опасаясь, как бы отставной фельдмаршал не вошел в сговор с цесаревной и снова не повел бы гвардейцев глубокой ночью ко дворцу. Двух-трех визитов Миниха к Елизавете было достаточно, чтобы Антон Ульрих отдал секретный приказ «близко следить за ним и схватить его живым или мертвым, если он выйдет из дому вечером и направится к великой княжне». Брауншвейгская фамилия не сумела воспользоваться политическими плодами Вильманстрандской победы для упрочения своего положения в стране. Финч писал, что, по словам Остермана, правительство продолжало «плыть, озираясь во все стороны, не доверяясь излишне ничему и никому»⁵⁹.

Такое плавание не могло продолжаться долго. В октябре 1741 г. из армии переслали манифест, подписанный командующим шведской армией К. Э. Левенгауптом, в котором шведы объясняли начало войны с Россией «неправдами и неоднократными обидами иноземных правительств, господствовавших последние годы в России», а также «стремлением к освобождению» русского народа «от притеснений и тирании чужеземцев, дабы он мог свободно избрать себе законного государя...»⁶⁰. О каком «законном государе», противопоставленном «правительству чужеземцев», шла речь, ясно было для всех. Поступали и другие сведения о заговоре, который быстро становился секретом полишинеля. Развязка приближалась и наступила в конце ноября.

На очередном куртаге (приеме при дворе) в понедельник, 23 ноября 1741 г., Анна Леопольдовна объяснилась с Елизаветой. Об этой важной беседе до нас дошли две версии. Сразу после переворота правительство Елизаветы, дабы пресечь распространение за границей нежелательных слухов об обстоятельствах восшествия цесаревны на престол, разослало аккредитованным при иностранных дворах русским послам специальную записку с описанием переворота, содержание которой они были обязаны пересказывать в кулуарах и при этом ссылаться на якобы полученное из Петербурга частное письмо приятеля. В записке разговор соперниц передан так: «...правительница... при знатных тут генералитетах молвила к е. в. сии слова: «Что это, матушка, слышала я, будто в. в. имеете корреспонденцию с армией неприятеля и будто в. в. доктор ездит ко французскому посланнику и с ним вымышленные фикции в той же силе делает?» На что е. в. ей, правительнице, ответствовала: «Я с неприятелем отечества моего никаких альянсов и корреспонденции не имею, а когда мой доктор ездит до посланника французского, то я его спрошу, а как он мне донесет, то я вам объявлю».

И между таковыми переменных сердец разговорами изволила е. в. оттуда отъехать и прибыть в дом свой».

Шетарди сразу после переворота сообщал: «...правительница 5 декабря (23 ноября по ст. ст.— Е. А.) в частном разговоре с принцессой в собрании во дворце сказала ей, что ее предупреждают в письме из Бреслава быть осторожной с принцессой Елизаветой и особенно советуют арестовать хирурга Лестока; что она поистине не верит этому письму, но надеется, что если бы означенный Лесток признан был виновным, то, конечно, принцесса не найдет дурным, когда его задержат. Принцесса Елизавета отвечала на это довольно спокойно уверениями в верности и возвратилась к игре. Однако сильное волнение, замеченное на лицах этих двух особ, подали случай к подозрению, что разговор должен был касаться важных предметов»⁶¹.

Из приведенных версий меньшего доверия заслуживает первая. Сомнительно, чтобы правительница в присутствии посторонних, в том числе иностранных дипломатов, открыто пикировалась по такому поводу с цесаревной. Возможно, французский посланник, а также шведы упоминались именно в таком контексте с целью убедить зарубежную публику, для которой предназначалась записка, в их непричастности к заговору Елизаветы.

Шетарди в целом верно передает весьма важный для истории переворота инцидент. Позже, в период царствования Елизаветы, стали известны подробности событий, предшествовавших куртагу 23 ноября. Так, на допросе в 1742 г. отставной канцлер А. И. Остерман признался, что незадолго до этого приема он получил от своего брабантского агента донесение, в котором речь шла о заговоре Елизаветы и о связях заговорщиков с Шетарди и шведским командованием. «И были такие рассуждения как от принцессы Анны, так и от герцога и от него (Остермана.— Е. А.) в бытность его во дворце, что ежели б то правда была, то надобно предосторожности взять, яко то дело весьма важное и до государственного покоя касающееся, и при тех рассуждениях говорено от него, что можно Лештока взять и спрашивать...» Остерман посоветовал Анне переговорить и с Елизаветой об этом деле, а «ежели б она, принцесса, не хотела сего одна учинить», то допросить ее «в присутствии господ кабинетных министров»⁶².

Можно предположить, что, вызывая Елизавету на разговор, Анна Леопольдовна не понимала всей серьезности заговора и пыталась урезонить и припугнуть Елизавету «по-семейному». Однако эффект получился обратный. Не желая того, правительница дезавуировала планы властей, ибо арест Лестока означал бы провал заговора. Елизавета не на шутку встревожилась.

Тревога цесаревны еще более усилилась на следующий день вечером, когда к ней пришли гренадеры и сказали, что получен приказ о выводе гвардии к Выборгу — в район военных действий. Значение готовящейся акции расценить было несложно:

вывод гвардии нейтрализовал бы заговор и позволил бы властям начать аресты, о которых проговорилась Анна Леопольдовна. И тогда Елизавета решилась...

Надо полагать, ей нелегко далось это решение. Тридцатидвухлетней красавице, привыкшей к праздной и беззаботной жизни, вероятно, пришлось собрать всю свою волю, чтобы подавить страх и решиться на это опасное, возможно, кровавое дело с непредсказуемым исходом. На это обстоятельство впоследствии обратил внимание новгородский архиепископ Амвросий в речи на коронации Елизаветы в Москве в 1742 г.: «И коеж большее может быть великодушие, как сие: забыть деликатного своего полу, пойти в малой компании на очевидное здравия своего опасение, не жалеть лет за целость веры и отечества последней капли крови, быть вождем и кавалером воинства, собирать верное солдатовство, заводить шеренги, итти грудью против неприятеля...»⁶³ Но выбора уже не было. После полуночи 25 ноября она надела кирасу, села в сани и в сопровождении М. И. Воронцова, И. Г. Лестока и учителя музыки К. И. Шварца поехала по темным улицам спящей столицы в казармы Преображенского полка, где ее уже ждали.

Есть несколько описаний, как Елизавета подняла солдат на переворот. Все они не особенно отличаются друг от друга и близки к версии уже упоминавшейся записки для послов: Елизавета «изволила шествовать в слободы означенного полку в помянутую гренадерскую роту и, прибыв на съезжую, изволила всем говорить: «Други мои, как вы служили отцу моему, то при нынешнем случае и мне послужите верностью вашею», на что единодушно закричали оные grenадеры: «Рады все положить души наши за ваше величество и отечество наше!»»⁶⁴

Во главе отряда из 300 гвардейцев Елизавета двинулась по Невскому к Зимнему дворцу. По дороге солдаты небольшими группами отделялись от основного отряда, врываются в дома важнейших правительственных деятелей и арестовывали их спящих хозяев. Доехав до начала Невского — Адмиралтейской площади, Елизавета, чтобы не поднимать излишнего шума, вышла из саней и пошла ко дворцу пешком. Солдаты шли быстро, и цесаревна вскоре стала отставать, задерживая всех. Тогда гвардейцы посадили ее на плечи и внесли в Зимний дворец, ставший с этой ночи на 20 лет ее домом. Пройдя в караульную, Елизавета разбудила солдат дворцовой охраны, которые тотчас к ней присоединились. Когда все лестницы и подъезды дворца были перекрыты, отряд гвардейцев поднялся на второй этаж в апартаменты правительницы.

Существуют две равноценные версии ареста Брауншвейгской фамилии. Согласно первой из них, Елизавета вместе с гвардейцами прошла в спальню правительницы и арестовала ее. Шетарди после переворота писал: «Найдя великую княгиню правительницу еще в постели и фрейлину Менгден, лежавшую около

нее, принцесса объявила первой об аресте. Великая княгиня тотчас подчинилась ее повелениям и стала заклинять ее не причинять насилия ни ей с семейством, ни фрейлине Менгден, которую она очень желала сохранить при себе. Новая императрица обещала ей это...» Миних же, сам в это самое время разбуженный и крепко побитый гренадерами, много лет спустя писал, что Елизавета с солдатами прошла в спальню правительницы и разбудила ее словами: «Сестрица, пора вставать!»

Согласно другой версии, «Елизавета послала отряд гренадер, чтобы завладеть императором, его сестрой, правительницей и ее мужем. Последних нашли спящими в постели вместе и перевезли их во дворец Елизаветы. При первом взгляде на гренадеров правительница вскричала: «Ах, мы пропали!» В санях она произнесла только слова: «Увижу ли я принцессу?» До сих пор просьба ее не исполнена». Так писал неизвестный нам француз 28 ноября 1741 г. в письме, отправленном во Францию с дипломатической почтой. К. Г. Манштейн в своих записках сообщает, что арестовать правительницу были посланы И. Г. Лесток и М. И. Воронцов. Автор записки — «письма от приятеля из Петербурга» — изображает поведение Елизаветы в этот момент так: заняв гауптвахту, она «послала оных гренадер для объявления бывшей правительнице аресту и со всею фамилиею взять и отвести в дом е. в., а сама со стоявшими тут ожидала благополучной резолюции и виктории»⁶⁵.

Весьма любопытна полемика вокруг этих событий в более поздней литературе. Французский путешественник и астроном аббат Шапп д'Отрош в книге «Сообщение о путешествии в Сибирь» (1768 г.) пишет, что Елизавета с группой гвардейцев сама поднялась в спальню правительницы и арестовала ее. Это место записок аббата вызвало возражения Екатерины II, написавшей книгу «Антидот аббата Шаппа». Екатерина пишет, что рассказ Шаппа неверен: Елизавета «не всходила, но осталась внизу», а часовые у дверей не оказали мятежникам никакого сопротивления. Источник сведений аббата Шаппа известен — это Лесток, которого аббат посетил в ссылке. Опальный лейб-медик описал аббату героическую сцену у дверей опочивальни, когда он прикрыл грудью цесаревну от направленного на нее штыка дежурного офицера и подобно герою трагедии прокричал: «Что ты делаешь? Проси помилования у императрицы!» Безумец тотчас пал на колени. Учитывая характер Лестока, думается, верить рассказу Шаппа не следует. Впрочем, не очень сильны и доводы оппонировавшей ему Екатерины, которая прибыла в Россию два года спустя после переворота. Она пишет, что «обе принцессы не видались ни во время действия, ни после его, это всем известно»⁶⁶.

Но все же логика развития событий и взаимоотношений Анны Леопольдовны и Елизаветы — близких родственников — позволяет предположить с большей вероятностью, что Елизавета

сама не арестовывала правительницу. Во-первых, после блокирования всех входов в Зимний дворец Елизавета уже могла быть уверена в успешном завершении дела; во-вторых, вряд ли Елизавете хотелось видеть свою племянницу, которой незадолго перед этим она клялась в верности; в-третьих, Елизавета могла опасаться, что государственный переворот, осуществленный, как впоследствии провозглашалось, во имя освобождения России от иноземцев, может вылиться в заурадный семейный скандал.

Как бы то ни было, все обошлось без кровопролития и даже без единого выстрела. Арестованная Брауншвейгская фамилия вместе с членами правительства была доставлена во дворец Елизаветы у Марсова поля. Вскоре к ярко освещенному дворцу потянулись разбуженные барабанщиками жители столицы, помчались экипажи сановников, спешивших выразить свои «верноподданнейшие чувства» новой императрице.

Генерал-прокурора Сената Я. П. Шаховского в ту ноябрьскую ночь разбудил внезапный стук сенатского экзекутора, передавшего приказание немедленно явиться во дворец к только что принявшей престол императрице Елизавете. Впоследствии он так описывал эту памятную ночь: «Вы, благосклонный читатель, можете вообразить, в каком смятении дух мой находился! Ни мало о таких предприятиях не только сведения, но ниже видов не имея, я сперва подумал, не сошел ли экзекутор с ума, что так меня встревожил и вмиг удалился; но вскоре увидел многих по улице мимо окон моих бегущих необыкновенными толпами в ту сторону, где дворец был, куда и я немедленно поехал, чтоб скорее узнать точность такого чрезвычайного происхождения. Не было мне надобности размышлять, в которой дворец ехать. Ибо хотя ночь тогда темная и мороз великой, но улицы были наполнены людьми, идущими к цесаревниному дворцу, гвардии полки с ружьями шеренгами стояли уже вокруг одного в ближних улицах и для облегчения от стужи во многих местах раскладывали огни; а другие, поднося друг другу, пили вино, чтоб от стужи согреться. Причем шум разговоров и громкое восклицание многих голосов: «Здравствуй, наша матушка императрица Елизавета Петровна!» — воздух наполняли. И тако я, до одного дворца в моей карете сквозь тесноту проехать не могли, вышед из оной, пошел пешком, сквозь множество людей с учтивым молчанием продираясь, и не столько ласковых, сколько грубых слов слыша, взошел на первую с крыльца лестницу и следовал за спешащими же в палаты людьми...»⁶⁷

К утру манифест о восшествии на престол и форма присяги были готовы. После того как присягнули гвардия и чиновники, Елизавета под приветственные крики гвардейцев «виват!» и залпы салюта с бастионов Петропавловской крепости и Адмиралтейства проследовала в Зимний дворец. Началось новое царствование.

А что же Шетарди? В подробных реляциях в Версаль после

переворота французский посол изобразил себя сторонником немедленного захвата власти, толкнувшим нерешительную Елизавету на решительные действия 25 ноября. Однако если ознакомиться с последним перед переворотом донесением Шетарди, то нельзя не усомниться в правдивости его победных реляций. Анализ этого донесения показывает, что посол не только не держал в руках нити заговора, как он это изображал потом, но даже не хотел осуществления переворота в описываемый момент.

В реляции 24 ноября, т. е. за день до переворота, Шетарди, взвешивая шансы Елизаветы на успех, писал, что Елизавета должна прийти к власти только с помощью шведов, которыми руководят французы. Только тогда Елизавета будет понимать, что она «обязана престолом одному королю и тем средствам, которые он употребляет». Мысль, как нам уже известно, не нова. Однако после поражения шведы были не способны оказать помощь цесаревне, а переворот, осуществленный только силами цесаревны, перечеркнул бы все усилия франко-шведской дипломатии. Поэтому, пишет Шетарди, он лично прилагает большие усилия, чтобы никак «не дать заподозрить цесаревне, что шведы ожидают от ее помощи большего содействия своему предприятию», чем она полагает, ибо «если партия этой принцессы посчитает возможным или должным совершить переворот *своими силами*, то будет трудно привести дело к той цели, которая столь существенным образом затрагивает интересы шведов»⁶⁸.

Поэтому переворот, совершенный на следующий день после посылки в Версаль цитированного доношения, был для Шетарди неприятным сюрпризом. Автор «Замечаний на «Записки Манштейна»» (по-видимому, П. И. Панин) сообщает, что Шетарди «пришел в чрезвычайное изумление, когда среди ночи разбудил его присланный от Елизаветы Петровны камергер П. И. Шувалов и уведомил о восшествии ее на престол»⁶⁹.

Думается, критик К. Г. Манштейна несколько приукрасил свой рассказ. Сохранилось письмо сотрудника французского посольства, написанное сразу после переворота: «Мы только что испытали сильный страх. Все рисковали быть перерезанными, как мои товарищи, так и наш посол. И вот каким образом. В два часа пополуночи, в то время как я переписывал донесения посла в Персии, пришла толпа к нашему дворцу, и послышался несколько раз стук в мои окна, которые находятся очень низко и выходят на улицу у дворца. Столь сильный шум побудил меня быть настороже; у меня было два пистолета, заряженных на случай, если б кто пожелал войти. Но через четверть часа я увидел четыреста гренадер, во главе которых находилась прекраснейшая и милостивейшая из государынь. Она одна, твердой поступью, а за ней и ее свита направилась ко дворцу»⁷⁰.

Возникает вопрос: почему французы изготовились к обороне, а стучавшие так и не ворвались в здание? Вероятно, произошло недоразумение: здание французского посольства находилось на

Адмиралтейской площади, неподалеку от домов Левенвольде, С. В. Лопухина, А. И. Остермана. По-видимому, один из отрядов grenадер, отправленный арестовать сановников Анны Леопольдовны, по ошибке пытался ворваться в посольство, чем и вызвал там панику. Разобравшись, солдаты ушли. Наступила пауза... А затем («через четверть часа»!) на Адмиралтейскую площадь вышел основной отряд мятежников вместе с Елизаветой и направился к Зимнему дворцу. Иначе говоря, Шетарди из своего окна мог видеть захват резиденции правительницы, осуществленный без ведома и вопреки желанию французского посла.

Итак, переворот 25 ноября 1741 г. возвел на престол дочь Петра Великого Елизавету. По своей социальной сущности он был типично верхушечным и коснулся лишь правящего слоя, разделенного на группы, которые отчаянно боролись за власть, влияние и богатство. Характер переворота определил его легкость, быстротечность и бескровность. Но при явном сходстве переворота 25 ноября 1741 г. с другими подобными ему дворцовыми переворотами в России XVIII в. (верхушечный характер, гвардия — ударная сила) не могут не обратить на себя внимание несколько важных обстоятельств, придающих индивидуальность перевороту, в результате которого на престол вступила Елизавета.

Первая особенность переворота 25 ноября 1741 г. состоит в том, что его ударной силой была не просто гвардия, а гвардейские низы — выходцы из податных сословий, теснее, чем верхушка гвардии, связанные с широкими массами петербургского населения и потому острее воспринимавшие и разделявшие общественную психологию. Здесь-то и кроется вторая особенность дворцового переворота 25 ноября, а именно его ярко выраженный антинемецкий, патриотический характер. Осуждение фаворитизма немецких временщиков, как и в целом политики Анны Ивановны, сочеталось в общественном сознании с идеализацией Петра Великого и его дочери. Третьей особенностью переворота 25 ноября было то, что иностранная дипломатия (преимущественно французская и шведская) пыталась активно вмешаться во внутренние дела России и за предложения эфемерной помощи Елизавете добиться от нее существенных политических и территориальных уступок, означавших добровольный отказ от завоеваний Петра. Попытки франко-шведской дипломатии повлиять на ход событий оказались тщетными именно потому, что такие условия были явно неприемлемы для дочери Петра, политическим капиталом которой было как раз отстаивание наследия великого царя. Патриотическая окраска переворота 25 ноября 1741 г. выделяет его из ряда других дворцовых переворотов в России XVIII в. и позволяет рассматривать его как явление в определенном смысле неслучайное, ибо характеризует высокий уровень общественного сознания если не всего русского общества, то по крайней мере его широких столичных кругов.